

***

Мой панцирь стал мне мал.
Я долго притворялась,
что я слаба, что я не знаю букв.
Но суть моя росла
во мне и разветвлялась,
и обращалась в звук,
который нарастал
и выливался горлом,
тяжёлый и густой,
уже не звук, а ртуть,
как талая вода,
сплетаясь потоком горным,
прокладывала путь.
И я смотрела вслед
отпущенному слову,
бледнея и скорбя,
родство утратив с ним,
но расширялась грудь,
и подступало к горлу,
и наполнялся рот
ещё одним.

***

По серой улице постукивать
домой,
где кошка умывается усердно:
смотреть кино, готовить то,
что вредно,
и в ванну погружаться с головой.
Под одеяло прятаться от мира,
читать стихи, покуда не усну,
и слушать, как в другом конце
квартиры
зубная щётка воет на луну...

***

Как будто в больничной палате
Открытой оставили дверь,
И доктор в крахмальном халате
Прекрасно нам виден теперь:
С больным говорит между делом
И в карточку пишет слова,

Чтоб смерть его не разглядела,
Чтоб жизнь разглядела сперва.
И две эти странные гостыи
Стоят у врача за спиной,
И белый халат словно мостик
От этой вселенной до той.

***

Тихое утро. Многоэтажный быт:
Над головою кто-то опять
кричит,
Я умываюсь, сыплю в заварник
чай
И умудряюсь криков
не замечать.
Хлопают двери, слышен собачий
лай,
Так многозвучен этот панельный
рай.
Стенок бетонных тонкая
скорлупа
Пахнет могилой и на тепло
скупа.
Но в оправданье холода и пустот
На подоконник прыгает белый
кот.
И не найдётся более точных
слов —
Кот на окошке лучше любых
цветов.

***

Нет сентября, нет жёлтых
листьев,
дождей холодных тоже нет.
Феназепам свежий блистер,
кулёк сосательных конфет...
И я иду в линялой куртке
по тесным плесневым дворам,
чтоб сэкономить на маршрутке
и колбасы купить котам.
Они, дворовые матросы,
хоть холод на дворе, хоть зной,

без предрассудков и вопросов
охотно знают со мной.
И, наплевав на все приличья,
они считают за людей
моих прекрасных, загадочных
воображаемых друзей.

***

Рассудок призываю на подмогу:
мне должно быть серьёзней...

Что же я?

Смотрю на вас, дыханье затая,
и улыбаюсь (как дитя, ей-богу!).

Когда всё пройдено, и всё
предрешено,

и новый день вчерашнего серее,
неловко видеть бабочек

в сирени,
танцующих так просто

и грешно...
Я безоружна в этот летний

вечер,
с улыбкой и тоской смотрю

назад...
А бабочки садятся мне на плечи

и говорят.

***

В Харлово жизнь текла сама
собой:

В ограде куры бегали гурьбой,
В сарае поросята подрастали,

Коровы непременно шли домой,
Как только тени в сумерки

сплетались.

Там темнота казалась мне живой,
Клубился дымом пёс сторожевой,

Гремя то цепью, то железной
чашкой,

Лениво слушая пустой собачий
вой

И отвечая нехотя, с натяжкой.

Лилось в ведро парное молоко,
Топилась баня, в небе далеко
Алмазной сыпью звёзды

проступали...

Вмещался мир в игольное ушко,
И были нам неведомы печали.

***

Холодный ветер помнит паруса,
Порывистый, ежовой рукавицей

Проводит по зелёным волосам
Покрывшей берег тонкой

полевицы.
Она дрожит и клонится к земле,

Но всем назло растёт
и колосится

На гальке, на песке и на золе —
Дай хоть за что-то корнем

зацепиться.
Всё для того, чтоб ветру

вопреки,
Смертям назло, судьбе

противореча,
Расти на берегу большой реки

И слушать, как малиновки
щебечут.

***

Господи милостивый, ответь,
Ради чего я должна смотреть —

Мальчики младше меня на треть
Вместо любви изучают смерть.

Сложно ученье, но лёгок бой —
Падаешь навзничь, а над тобой

Ласточки прямо к передовой
Носят ведёрки с живой водой.

Пулю схлопочешь, а боли нет,
Только струится небесный свет,

И под твои двадцать с лишним
лет —

Белой чертой самолётный след.

***

Осколком вечной мерзлоты
Я вписана в июльский вечер,
Губам легко от немоты,
Им верится в ненужность речи.
Вот небо, ленточка реки
И склон крутой, в ковыль
одетый,
Изводят рыбу рыбаки,
Но вряд ли думают об этом.
Речная тварь на берегу
Безмолвна, холодна, поди же,
Ногнулись удочки в дугу
От жажды этой твари выжить.
Вот так и я, пройдя сквозь мрак
Сомненья, отрицанья, торга,
Сижу, не представляя, как
Не задохнуться от восторга.

***

Я, как в семнадцать, жду
звонка —
Тревожно, больно — пусть,
Ведь знаю я наверняка,
Что не дождусь.
Приметы призрачной весны
Не вовремя, врасплох.
И колокольчиком лесным
Смеётся Бог.
И этот смех звенит во мне,
И я счастливей всех.
Отряд мурашек по спине
Шагает вверх.
Нет, я ещё не влюблена,
Сомнения не счесть.
Не знаю, в чём моя вина,
Но точно есть.

